

ПИСЬМА КНЯЗЯ Д. И. ДОЛГОРУКАГО КЪ ОТЦУ

1820 годъ.

Буюкдерэ, 15-го сего ноября.

Любезный батюшка, сегодня я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, помѣченное 18-мъ Октября, и сегодня же отвѣчаю вамъ. Не могу не признать себя виновнымъ въ горѣ и заботахъ, причиненныхъ вамъ молчаніемъ, которое я хранилъ въ продолженіе двухъ почтовыхъ сроковъ подъ рядъ.

Длинное письмо, которое я вамъ немедленно отправилъ. можетъ быть, ослабить ваше справедливое неудовольствіе и успокоить печаль, которую вы должны были испытать, но, несмотря на это, я чувствую себя очень несчастнымъ. такъ какъ послужилъ тому причиною.

Скука, которую мы здѣсь испытываемъ. составляетъ рѣзкую противоположность шумнымъ удовольствіямъ московскаго общества. Съ тѣхъ поръ какъ всѣ иностранные послы и дамы, проводившія лѣто въ Буюкдерэ. возвратились въ городъ на зимнія квартиры, наша деревня положительно опустѣла. Удовольствіе, доставляемое прогулками. прекратилось, потому что холодная погода заставляеть насъ сидѣть дома и мы выходимъ только для того, чтобы проѣхаться верхомъ и тѣлеснымъ упражненіемъ согрѣть наши отяжелѣвшіе члены. Единственнымъ духовнымъ развлеченіемъ, оставшимся для насъ, является чтеніе, а также мы провѣряемъ правду и ошибки писателей, упоминавшихъ объ оттоманской Имперіи. На самомъ дѣлѣ она *пріятнѣе* издали. чѣмъ вблизи. и разные, лишенные достовѣрности, анекдоты о нравахъ и обычаяхъ этой страны усиливають это благопріятное впечатлѣніе.

Нужно принимать участіе въ дѣйствіяхъ Правительства. нужно освоиться съ ихъ языкомъ, нужно сдѣлаться, такъ сказать, туземцемъ, чтобы удостоить ее величайшаго и любопытнѣйшаго вниманія, потому что только въ философскомъ отношеніи оттоманы заслуживаютъ серьезнаго размышленія, что особенно затруднительно, такъ какъ они избѣгаютъ всякаго общенія съ иностранцами.

Величайшее спокойствіе парить у насъ. и я чувствую себя прекрасно, любезный батюшка. Баронъ, который часто спрашиваетъ у меня о томъ, что у васъ новаго и поручаетъ мнѣ передать вамъ свой привѣтъ, относится ко мнѣ прекрасно. Я не могу также пожаловаться на своихъ товарищей, такъ какъ мы всѣ живемъ въ полнѣйшемъ согласіи. Тургеневъ достойнѣйшій человѣкъ, и несмотря на то. что очень часто мы не сходимся во взглядахъ на разные вещи. онъ очень ласковъ со мной. Однимъ словомъ, дай Богъ, чтобы во всѣхъ посольствахъ, гдѣ, быть можетъ, мнѣ случится служить, я чувствовалъ бы себя также хорошо въ этомъ отношеніи, какъ здѣсь.

Али Паша осажденъ въ столицѣ, большую часть которой онъ уничтожилъ огнемъ и мечомъ. Онъ еще сопротивляется врагамъ и пытается удержаться тамъ. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что его паденіе недалеко и что Порты восторжествуетъ надъ этимъ непокорнымъ Пашою, сдѣлавшимъ столько зла своей области, и котораго одинаково ненавидѣли какъ турки, такъ и греки.

Наше посольство увеличилось послѣ пріѣзда Дашкова, бывшаго посланника Соединенныхъ Штатовъ. Онъ занялъ мѣсто канцлера посольства.

Это женатый человѣкъ, и его простой и привѣтливый характеръ обѣщаетъ быть для насъ пріобрѣтеніемъ.

Я получилъ нѣсколько писемъ изъ Петербурга. но братъ Павелъ упорно хранитъ молчаніе. Тургеневъ аккуратно съ каждой почтой получаетъ нѣсколько новыхъ произведеній сѣверныхъ поэтовъ. но все это такъ слабо, что только доказываетъ ничтожество ума и отсутствіе предмета, способнаго вдохновить таланты.

Не нахожу выраженій, равныхъ чувству признательности, которыми я проникнуть къ вамъ за ваши письма, дорогой, добрый батюшка, правильно получаемыя много съ каждой почтой, и эта великая

доброта ваша заставляетъ меня вдвое сильнѣе чувствовать свои ошибки по отношенію къ вамъ. Но я надѣюсь исправить ихъ.

Кончаю это письмо, цѣлую вамъ руки, такъ же какъ и дорогой ма-тушкѣ, и остаюсь навѣкъ.

Вамъ почтительнѣйшій сынъ

Дмитрій.

Любезный батюшка, бывшій священникъ посольства только что замѣненъ другимъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга, и возвращается къ себѣ на родину. Такъ какъ ему придется ѣхать черезъ Москву, онъ согласился передать Вамъ это письмо, и я прошу Васъ, дорогой батюшка, окажите ему за это ваше содѣйствіе передъ московскимъ духовенствомъ. Онъ честный человекъ, и всѣ были имъ довольны, пока онъ жилъ при посольствѣ. Отъ него Вы можете услышать живой разсказъ о томъ, какъ мы живемъ, о нашихъ занятіяхъ и нашей скукѣ.

Это письмо, дорогой батюшка, въ которомъ я ничего не говорю изъ того, что составляетъ нашу правильную переписку, можетъ задержаться въ пути, и я набросалъ его только затѣмъ, чтобы сказать вамъ, что я чувствую себя отлично. Знаю также, что вамъ доставить большое удовольствіе бесѣда съ человекомъ, близко знавшимъ меня, человекомъ, который будетъ говорить только правду—вотъ еще причина, побудившая меня отправить вамъ это письмо.

Дай Богъ, чтобы оно застало въ добромъ здоровьи какъ васъ, такъ и всю нашу семью. Передайте мое почтеніе всѣмъ, кто изволитъ помнить обо мнѣ, а особенно княгинѣ Куракиной.

Прощайте, любезный батюшка, цѣлую вамъ руки, а также и ма-тушкѣ, и остаюсь навсегда.

Вашъ почтительный сынъ

Дмитрій.

21 сего Ноября.

Его Сіятельству

Милостивому Государю

Князю Ивану Михайловичу

Долгорукому.

У Воздвиженья на Поетномъ вражкѣ, близъ Дѣвичьяго поля. Въ Москвѣ.

3/15 Генваря 1821 года.

Меня очень удивляетъ, любезный батюшка, неаккуратность, съ которой вамъ было доставлено письмо, которое я имѣлъ удовольствіе послать вамъ 1/13 ноября. Подобная небрежность со стороны почтоваго вѣдомства, отъ которой такимъ образомъ страдаетъ частная переписка, заслуживаетъ вполне справедливыхъ упрековъ. Впрочемъ, такъ какъ я стараюсь, чтобы мои письма были интересны тѣмъ, для кого они предназначаются, я полагаю, что любопытство желающихъ ознакомиться съ ними не приведетъ ни къ чему. и надѣюсь, что со временемъ они будутъ приходить къ вамъ въ лучшемъ состояніи.

Тысячу разъ прошу прощенія, дорогой батюшка, за то, что съ послѣднимъ посланнымъ доставилъ вамъ ложную тревогу относительно моего здоровья.

Правда, въ началѣ прошлаго мѣсяца у меня былъ лишай на лицѣ, но, несмотря на это, не отступая отъ своихъ правилъ, я началъ говѣть. Постылся уже два дня, какъ вдругъ приключилась со мной сильная лихорадка, угрожавшая мнѣ продолжительной болѣзнью. Вслѣдствіе этого, я былъ принужденъ отложить говѣніе, остаться въ деревнѣ и серьезно лѣчиться.

Слава Богу, я уже на ногахъ и совершенно поправился. Лишай появился вслѣдствіи испорченнаго желудка, а лихорадка—отъ сильной простуды, и то и другое прекратилось, какъ только я принялъ мѣры предосторожности противъ холода и пересталъ лакомиться.

Съ двумя послѣдними почтами изъ Петербурга я получилъ письма отъ княгини Шаховской.

Они полны добротой, которой эта милая тетья всегда отличалась по отношенію ко мнѣ. Я не забуду переслать ихъ вамъ при первомъ удобномъ случаѣ, и если я не дѣлаю этого сейчасъ, то только потому, что они нужны мнѣ для исполненія нѣкоторыхъ ея порученій, изъ которыхъ одно—непосредственно отъ Императрицы-матери.

Она желаетъ имѣть сѣмена цвѣтовъ, и такимъ образомъ я состою въ перепискѣ съ Ея Императорскимъ Величествомъ.

Я обѣщаль сообщить вамъ, дорогой батюшка, подробности нашей будничной жизни: начну съ того, что съ каждымъ днемъ она стано-

вится все скучнѣе. Тучи или, вѣрнѣе, пары, поднимающіеся съ Чернаго моря, заволакиваютъ сосѣднія горы, и эти прекрасныя греческія облака, которыя когда то приносили землѣ боговъ, въ наши дни оставляютъ на землѣ лишь сырость, которая мѣшаетъ намъ гулять. Все утро посвящено служебнымъ занятіямъ. Вечеръ мы проводимъ въ комнатахъ, и единственно, чѣмъ мы можемъ наслаждаться, это тѣмъ, что чувствуемъ себя, какъ дома. Лежимъ на широкихъ диванахъ, подъ ногами великолѣпныя ковры, мы куримъ алоэ, и этимъ отдаемъ должное странѣ, которая можетъ доставить намъ это удовольствіе, или окруженные густымъ табачнымъ дымомъ, устанавливаемъ правила или споримъ о событіяхъ дня. Наше посольство очень многочисленно, но люди, мнѣнія которыхъ всегда болѣе или менѣе различны, рѣдко сходятся, и несмотря на то, что по внѣшнему виду всѣ находятся въ прекрасныхъ отношеніяхъ, каждый молча живетъ, какъ ему вздумается.

Таковы мы въ домашней обстановкѣ. Я очень хотѣлъ бы, чтобы мы больше сблизились другъ съ другомъ, но мнѣ кажется, что это очень трудно сдѣлать, единственно по той причинѣ, которую я только что высказалъ.

Мнѣ очень досадно, дорогой батюшка, что мое *маленькое* политическое обозрѣніе, не вполне одобрено вами. Вы правы, говоря, что мое изложеніе слишкомъ кратко, но я боялся потерпѣть неудачу въ болѣе длинномъ разсужденіи о вещахъ и событіяхъ, основанномъ на простой логикѣ, я опасался высказывать мысли, раньше меня высказанныя другими, и кромѣ того, вполне противоположныя современной политикѣ.

Третьяго дня я ѣздилъ въ Перу, чтобы по мѣрѣ возможности разсѣять обуявшую меня скуку.

Тамъ я провелъ вечеръ у австрійскаго посла, и поѣздка за 18 верстъ, которую я совершилъ, оказалась очень полезной для моего здоровья.

Я погруженъ въ чтеніе, дошелъ теперь до VI-го крестоваго похода, и мѣста и народы, столь памятные по многимъ событіямъ, вдвойнѣ занимаютъ меня.

Вотъ вамъ мѣсячный отчетъ, любезный батюшка. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за послѣднее письмо отъ 3-го Декабря.

Это письмо не можетъ не быть краткимъ, дорогой батюшка. За послѣднія двѣ недѣли не произошло ничего замѣчательнаго или достаточно любопытнаго, чѣмъ можно было бы подѣлиться съ вами, если не считать небольшой прогулки въ Перу, которую я предпринялъ по приглашенію австрійскаго посланника графа Лютца.

Но дурная погода и необычайно бурное море не дали намъ возможности вполне насладиться, а балъ, данный папскимъ нунціемъ посланникамъ, вышелъ не очень блестящимъ, такъ что мы не могли забыть неудобствъ переѣзда. Толпа купцовъ и приказчиковъ,—вотъ главный составъ приглашенныхъ. Несмотря на все, и это небольшое цѣнно при нашей однообразной жизни, въ которой карты являются главнымъ развлеченіемъ.

Снѣгъ падаетъ густыми хлопьями, и никогда Босфоръ не былъ такимъ безобразнымъ, какъ сегодня. Дорогой батюшка, къ этому письму я прилагаю оба письма милой княгини Шаховской. Въ нихъ вы найдете слѣды ея благодѣяній, которыми я могу только гордиться. Когда вы ихъ прочтете, прошу васъ, верните ихъ мнѣ, потому что мнѣ очень важно сохранить ихъ среди лучшихъ отзывовъ обо мнѣ, и помѣстить ихъ вмѣстѣ съ письмами княгини Куракиной.

Дорогой батюшка, соблаговолите также прислать мой дневникъ.

Я чувствую себя, слава Богу, вполне хорошо. Мое нездоровье не имѣло послѣдствій. Работы у насъ вдоволь, а баронъ попрежнему добръ по отношенію ко мнѣ.

Его намѣренія относительно меня доказываютъ только его заботу обо мнѣ, и съ такимъ начальникомъ я работаю отъ всей души.

Мы ждемъ возвращенія курьера, который долженъ привести новости о васъ. Мои, мало интересныя, изсякли, и я кончаю писать, цѣлую руки вамъ, а также моей милой и дорогой матушкѣ. Прощайте, дорогой батюшка, дай вамъ Богъ здоровья и радости.

Остаюсь навсегда вашъ покорный и преданный сынъ

Дмитрій.

15-го сего Генваря 1821.

Передайте мое нижайшее назначеніе княгинѣ Куракиной. Цѣлую всѣхъ своихъ и отъ всей души желаю вамъ здоровья и радости. Же-

лаю того же доброй матушкѣ, цѣлую вамъ руки и остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Дмитрій.

Имѣлъ счастье получить ваше письмо отъ 5-го Генваря, любезный батюшка, и тревога, испытанная вами по случаю моего молчанія во вторую половину Декабря, доставила мнѣ большое горе.

Нездоровье, которое уже тогда давало о себѣ знать, не могло бы воспрепятствовать этому, если бы отправка почты, на этотъ разъ обширной, не оправдывала моего молчанія. Моего товарища Тургенева нельзя не похвалить за усердіе, съ которымъ онъ всегда пишетъ матери, но все таки онъ дѣлаетъ это послѣ того, какъ составитъ всѣ нужныя бумаги и покончить со всѣми заботами и хлопотами, обычно сопровождающими отправку курьера, и выбираетъ для переписки совершенно свободныя минуты.

Наша обычная жизнь идетъ своимъ чередомъ. Она напоминаетъ часы, заведенные скукою и нетерпящіе никакихъ перемѣнъ. За послѣднее время я два раза былъ въ Перу, хотѣлъ развлечься, но напрасно! Подобное общество не можетъ доставить развлечения. Это сборище невоспитанныхъ людей, для которыхъ первое удовольствіе—позлословить и похвастаться. Мы всѣ ждемъ-не дождемся весны, которая принесетъ намъ веселье и радость. Можно было бы навсегда остаться въ Турціи, если бы можно было вести переписку съ Небомъ и просить у него хорошей погоды, и можно было бы навѣки убѣжать изъ этой страны, если бы небо было всегда такъ же покрыто тучами, какъ теперь.

Но несмотря на скверное время года, какъ только проглянетъ солнышко, и среди зимы можно пользоваться лѣтними удовольствіями. Въ Турціи зима кажется гораздо длиннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ можно развлечься въ обществѣ и забыть о дурной погодѣ, тогда какъ здѣсь чувствуешь себя до такой степени лишеннымъ всякаго удовольствія, что жизнь становится невыносимой. Слава Богу, дорогой батюшка, что хоть вамъ суждено вести другой образъ жизни, и что множество развлеченій помогаетъ вамъ весело проводить время.

Вы были такъ добры, сообщивъ мнѣ извѣстіе о беременности Антонины, и я полагаю, что къ тому времени какъ это письмо дой-

дѣть до васъ, она уже разрѣшится и васъ можно будетъ назвать дѣдушкой.

Я не перестаю молить Бога о ея благополучномъ разрѣшеніи, а также о здоровьи малютки.

Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе доволенъ своими отношеніями съ барономъ, который по прежнему добръ со мной. Графиня д' Эга очень ласковая и любезная женщина. Она образована, и старается доставить удовольствіе всѣмъ окружающимъ, и я не разъ могъ видѣть доказательства ея доброты. Она обѣдаетъ и проводитъ весь вечеръ у барона, а я каждый день играю съ ними въ вистъ. Я никогда не думалъ, чтобы игра могла сдѣлаться для меня необходимою, а теперь я нахожу, что именно она была главнымъ путемъ для моего сближенія съ барономъ, и дала ему возможность ближе узнать меня.

Съ послѣдней почтой я получилъ письмо отъ брата Павла. Мнѣ кажется, что онъ опять дѣлаетъ ошибку, и я боюсь, что удобства, которыя онъ получить, переѣхавъ на квартиру, предложенную ему княземъ Долгорукимъ, будутъ ничтожны, въ сравненіи съ неприятностями, которыя его тамъ ожидаютъ.

Вотъ моя повѣсть послѣднихъ дней, дорогой батюшка. Прошу васъ, передайте мое почтеніе нашему старшинѣ, а также всей его семьѣ, и передайте мой низкій поклонъ княгинѣ Куракиной.

Въ заключеніе цѣлую вамъ руки, а также моей милой и дорогой матушкѣ. Цѣлую всю нашу семью и остаюсь всегда преданный вамъ сынъ

Д м и т р і й

1 Февраля 1821 года. _____

15/27 Февраля 1821 года.

Курьеръ запоздалъ по случаю дурной погоды, дорогой батюшка, а такъ какъ сегодня день отправки почты на сѣверъ, я по обыкновенію пользуюсь случаемъ, чтобы отправить вамъ это письмо, хотя и не имѣю возможности отвѣтить на ваши строки, которыя я, вѣроятно, получу съ прусской почтой.

Здоровье мое въ хорошемъ состояніи. Сырость, обиліе снѣга и холодъ, хотя непревышающій одного-двухъ градусовъ мороза, не влі-

яютъ на меня такъ сильно, какъ въ началѣ нашей зимы-осени. Но если, съ одной стороны, я чувствую себя достаточно хорошо въ физическомъ отношеніи, я не совсѣмъ доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ. Я вынужденъ разстаться съ Андреемъ. Его склонность къ тоскѣ, удрученное состояніе, которое онъ испытываетъ, чувствуя себя въ совершенно чуждой средѣ и вытекающее отсюда недовольство поставили меня въ печальную необходимость отправить его въ Петербургъ, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ для такого далекаго путешествія, и направить его на службу къ брату Павлу.

Заслуги этого человѣка и его преданность нашей семьѣ возлагаютъ на меня обязанность прежде всего просить васъ, любезный батюшка, не мѣнять вашего добраго отношенія къ нему и смотрѣть на его отпущекъ, какъ на видъ помощи, которую я стараюсь оказать этому человѣку, избавляя его отъ службы господину, нуждающемуся скорѣе въ ловкомъ мальчикѣ, чѣмъ въ лакеѣ, который служить ему во вредъ своему здоровью. Кромѣ того, такъ какъ нашъ дворець кишитъ ротозѣями и людьми, ведущими неправильный образъ жизни, я думаю, что дѣлаю доброе дѣло, удаляя его отъ общества, которое рано или поздно лишитъ его возможности честно исполнять свой долгъ и повиноваться своему господину.

Въ виду этого баронъ, которому извѣстны мои намѣренія, одобрилъ мой планъ и былъ такъ любезенъ, что одолжилъ мнѣ своего бывшаго лакея, который замѣнитъ мнѣ Андрея. Несмотря на свою рѣшимость и только что высказанные мною серьезные доводы, я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, дорогой батюшка, пока не узнаю вашего мнѣнія на этотъ счетъ. Кончая объ этомъ, еще разъ прошу васъ, не лишайте Андрея вашего добраго отношенія; во всякомъ случаѣ, если вы не исполните моей просьбы, то очень огорчите меня этимъ.

Такъ какъ для Антонины прошелъ срокъ разрѣшенія отъ бремени, то, можетъ быть, въ настоящую минуту вы уже дѣдушка, а я самъ начинаю играть роль дяди. Если это счастливое обстоятельство принесло въ нашу семью радость и восторгъ, я съ своей стороны объявляю, что принимаю въ нихъ живѣйшее участіе, присоединяя сюда же свои поздравленія матери, отцу, дѣдушкѣ, бабушкѣ, дядямъ и всѣмъ остальнымъ.

Заведенные часы идутъ, колеса вертятся на своихъ осяхъ и ничто не мѣняетъ ихъ движенія. Масляницу мы проводимъ печально. Ни

увеселеній, ни отдыха, соотвѣтствующихъ послѣдней недѣлѣ передъ постомъ. Но все таки, если нашъ планъ удастся, баронъ намѣревается дать въ воскресенье большой балъ. Это будетъ зависѣть отъ погоды—если она позволить обществу пріѣхать изъ города—такъ какъ съ Буюкдэрэ существуетъ только водяное сообщеніе, нѣтъ ни дорогъ, ни экипажей.

Константинополь очень любопытная столица. Турки, съ тѣхъ поръ какъ завоевали ее, не только не подумали о ея украшеніи или объ удобствахъ населенія, но привели ее въ болѣе жалкій видъ, чѣмъ былъ этотъ городъ во времена владычества грековъ. Прекрасныя мечети, образцомъ которыхъ всегда служила св. Софія, и водопроводы съ прѣсной водой, вотъ ихъ лучшія произведенія. При видѣ ихъ можно сказать, что турки считаютъ Константинополь непостояннымъ жилищемъ, и смотрятъ на него только какъ на временное убѣжище.

Я предполагаю провести лѣто въ Азій и осмѣлиться порыться въ землѣ, столь богатой остатками старины. Гора Олимпъ, вершина которой видна издалека, возбуждаетъ во мнѣ надежды, и я съ восторгомъ думаю о той минутѣ, когда буду у ея подошвы.

Уже давно, дорогой батюшка, не читалъ я ни одного вашего произведенія. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ утерять нить вашихъ мыслей объ обществѣ, философіи, наблюденій надъ жизнью разсудительнаго наблюдателя. Вотъ что прельщаетъ меня, поэта зрѣлыхъ лѣтъ. Вотъ удѣлъ того, кто воспѣвалъ невинность, торжество совѣсти и бѣднаго „Парфена“.

Дождь, снѣгъ, вѣтеръ, масса невзгодъ соединились для того, чтобы задержать прибытіе почты, дорогой батюшка. Поэтому я вынужденъ отправить вамъ это письмо, не имѣя возможности отвѣтить на другое, которое должно придти съ сегодняшней почтой и котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Съ большимъ сожалѣніемъ думаю я о наступленіи дней, которые я привыкъ посвящать говѣнію, на этотъ разъ не имѣя возможности выполнить священный долгъ христіанина. Лишай, появившіеся на моемъ лицѣ, еще больше обезобразили меня, и по совѣту врачей мнѣ придется ѣхать въ городъ и брать тамъ ванны. Я знаю, какъ вы встревожитесь дорогой батюшка, узнавъ объ этомъ непріятномъ случаѣ, но могу васъ увѣрить, что это кратковременная болѣзнь, и, по словамъ врачей, черезъ нѣсколько недѣль я буду совершенно здоровъ. Тѣмъ временемъ я буду давать вамъ самыя

точные свѣдѣнія о ходѣ лѣченія, которое я намѣренъ предпринять и которое должно благотворно повліять на общее состояніе моего здоровья. Вотъ еще одна причина, заставляющая меня очень просить васъ, любезный батюшка, не предаваться мрачнымъ мыслямъ по этому поводу, такъ какъ, за исключеніемъ маленькаго пятна на лицѣ, я чувствую себя прекрасно.

Примите мои поздравленія съ наступающимъ новымъ годомъ, дорогой батюшка, а также матушка и вся наша семья.

Отъ всего сердца желаю, чтобы радость такъ же не оставляла васъ, какъ скука не разстается здѣсь съ нами. Зимой наша деревня—тюрьма, ни отдыха, ни развлеченій, которыя разнообразили бы нашу монашескую жизнь и занятія, которыя мы обязаны выполнять. Я совсѣмъ не получалъ писемъ отъ брата и очень беспокоюсь по этому поводу. Баронъ Строгановъ каждый разъ поручаетъ мнѣ кланяться вамъ отъ него.

Такъ какъ въ теченіе нѣкотораго времени я буду свободенъ отъ занятій, въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь описать вамъ наше обычное времяпрепровожденіе. Въ немъ вы увидите, дорогой батюшка, такую правильность и такое однообразіе, отъ которыхъ могутъ сдѣлаться и лишаи, и тоска.

Кончаю писать, цѣлуя вамъ руки, а также моей милой и дорогой матушкѣ, и навсегда остаюсь

вашъ почтительный сынъ

Дмитрій.

Прошу васъ, дорогой батюшка, передайте мое почтеніе княгинѣ Куракиной и низкій поклонъ архимандриту *Парфенію*.

Вотъ вамъ, любезный батюшка, сегодняшній отчетъ. Кончая его, цѣлую руки вамъ и дорогой, милой матушкѣ. Цѣлую всю семью и маленькаго душеньку въ колыбелькѣ. Остаюсь вамъ всегда покорный и почтительный сынъ

Дмитрій.

Буюкдэрэ, 28 сего Февраля 1821 года. № 1.

Сны не напрасно предвѣщали мнѣ счастливое событіе, любезный батюшка: ваше письмо отъ 18 Генваря оправдало мои надежды и осу-

пшество мои мечты. Обиліе счастливыхъ событій въ нашей семьѣ придаетъ мнѣ новыя силы, чтобы порадоваться ея счастьемъ, и съ нѣжнымъ трепетомъ сердца я поздравляю васъ со званіемъ дѣда. Я не преминулъ воздать хвалу Богу, какъ только получилъ это извѣстіе отъ курьера. и надѣюсь, что Господь не отвергнетъ горячія мольбы маленькаго дядюшки. Да благословитъ Богъ маленькаго Александра и сдѣлаетъ его цѣлью жизни для родителей и утѣшеніемъ для дѣда! Только изъ боязни расплакаться, я не высказываю своихъ сожалѣній по поводу того, что не могъ присутствовать при счастливомъ событіи—разрѣшеніи Антонины, и я съ горечью думаю о томъ, что вотъ уже второй счастливый случай въ нашей семьѣ, которому мнѣ пришлось порадоваться издалека.

Надѣюсь, дорогой батюшка, что въ настоящую минуту ваше безпокойство о моемъ здоровьи совершенно разсѣяно предыдущими моими письмами. Дѣйствительно, я чувствую себя великолѣпно, и весенній воздухъ, оживившій всю природу, благотворно дѣйствуетъ на меня. Деревья у насъ распускаются, все возвѣщаетъ наступленіе прекраснаго времени года. Въ то время какъ у васъ разгребаютъ снѣгъ, мы копаемъ гряды, чтобы сажать розы. Пока вы кутаетесь въ мѣха, у насъ снимаютъ съ деревьевъ солому.

Я полонъ глубокой благодарности за то вниманіе, которымъ удостоиваетъ меня княгиня Куракина, и такъ какъ она согласна бросить милостивый взглядъ на слабыя произведенія моего пера, я льщу себя надеждой, что она захочетъ также найти въ нихъ сыновнія чувства, которыя я питаю къ ней. Они никогда не угаснутъ, и одного званія друга моего отца достаточно для того, чтобы добрый сынъ былъ на всю жизнь благодаренъ ей.

Припоминаю, дорогой батюшка, что въ послѣднемъ письмѣ я писалъ вамъ о предполагавшемся у насъ балѣ.

Онъ дѣйствительно состоялся. и вышелъ очень удачнымъ. Въ довершеніе всѣхъ удовольствій мы видѣли индійскихъ фокусниковъ, путешествующихъ вокругъ свѣта и показавшихъ намъ образецъ своей непостижимой ловкости. Они глотали шпаги, катали четыре шара заразъ, и т. д., и т. д., и т. д. Изумленное населеніе Перы видѣло въ этомъ колдовство или по крайней мѣрѣ чудо, предвѣщающее конецъ свѣта.

Мой товарищъ, Бутеневъ, очень озабоченъ состояніемъ здоровья своей сестры, которое, какъ говорятъ, внушаетъ опасенія, и я прошу васъ, дорогой батюшка, сообщить мнѣ точныя свѣдѣнія объ этомъ, и, по возможности, поскорѣе. Кромѣ личнаго участія мнѣ хочется сдѣлать одолженіе Бутеневу за его вниманіе ко мнѣ. Это рѣдкій человѣкъ, и такъ какъ въ общемъ мы сходимся во мнѣніяхъ, то одинаковый взглядъ на вещи еще больше сближаетъ насъ. Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣла съ Тургеневымъ, который придерживается современныхъ взглядовъ, провозглашаетъ свободныя либеральныя мысли и хочетъ казаться *передовымъ*, или скорѣе человѣкомъ, слабымъ умомъ.

Но такъ какъ я не разъ замѣчалъ, что это скорѣе слова, чѣмъ истинныя чувства и такъ какъ я по опыту знаю, до какой степени онъ въ глубинѣ души мягкій и добродѣтельный человѣкъ, я не перестаю уважать его, и только не высказываю своего мнѣнія въ то время, какъ онъ выражаетъ свое.

Я предполагаю, что масляница въ Москвѣ вышла блестящей.

Наша прошла въ служебныхъ занятіяхъ и въ удовольствіяхъ монашескихъ. По моему, одиночество дѣйствуетъ на человѣка не только въ настоящую минуту, но отнимаетъ у него силу воображенія, дающую возможность жить въ прошломъ и въ будущемъ. О, никогда въ жизни я не буду монахомъ!

Замѣтивъ большую неисправность, съ которой намъ доставляются ваши письма, я рѣшилъ нумеровать свои, дорогой батюшка, и поэтому это мое письмо означено нумеромъ первымъ.

Кончаю его, дорогой батюшка, просьбой, — начиная съ сегодняшняго дня, не сжигать моихъ писемъ, не потому, чтобы я хотѣлъ сохранить ихъ для потомства, но потому, что имъ я повѣряю всѣ свои мысли и чувства, такъ что они являются какъ бы моимъ дневникомъ, и я хотѣлъ бы снова перечитать ихъ, когда буду жить въ другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ.

Дорогая матушка не будетъ сердиться на меня за то, что я не пишу ей отдѣльно, и я надѣюсь, что она не сомнѣвается въ сыновнихъ чувствахъ, которыя я всегда питалъ и буду питать къ ней. Прощайте, любезный батюшка, нѣжно цѣлую вамъ руки и остаюсь всегда почтительный сынъ

Дмитрій.

Цѣлую руки милой тетушкѣ и молю Бога о ея здоровьи.

Сего 1/16 Апрѣля, Пера. № 2.

„Хоть еще не настало время, но я воскликну: Христось воскресь! любезный батюшка. Настоящее письмо мое дойдетъ къ вамъ послѣ праздника и тогда поздравленіе мое будетъ у мѣста. Дай Богъ вамъ встрѣтить и провести оный въ добромъ здоровьи и совершенномъ спокойствіи духа. Меня сей праздникъ, конечно, застанеть съ бумагою въ рукахъ, но мысли и чувства мои вѣрно не будутъ въ землѣ иноплеменной.“

Вотъ мои поздравленія, которыя я хотѣлъ написать вамъ обязательно по русски, дорогой батюшка, но, вѣрный своему правилу писать вамъ всегда по французски, продолжаю на томъ же языкѣ.

Вѣроятно Тургеневъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ вамъ о причинахъ, помѣшавшихъ мнѣ написать вамъ съ послѣдней почтой. Обстоятельства съ каждымъ днемъ умножаютъ наши обязанности, и я не знаю, какъ благодарить небо за свободную минутку, которая выпала мнѣ сейчасъ.

Зная, насколько разстояніе вредитъ истинѣ, а иногда и совершенно искажаетъ ее, я спѣшу успокоить васъ на нашъ счетъ, сказавъ вамъ, что, несмотря на то, что мы находимся въ довольно критическомъ положеніи, мы вполнѣ обеспечены отъ непріятныхъ случаевъ. Мы уѣхали изъ своей деревни и уже три недѣли какъ живемъ въ Перѣ. Жизнь становится все скучнѣе и печальнѣе, а мѣры, принимаемыя турецкимъ правительствомъ для поддержанія порядка въ столицѣ, возмущаютъ людей, привыкшихъ къ мѣрамъ человѣческимъ. Таково положеніе вещей. Я не касаюсь подробностей, предоставляя ихъ правдивости газетъ, а васъ отъ всей души прошу не беспокоиться о личной нашей безопасности.

Единственно, что меня удручаетъ, это невозможность выполнить священный долгъ христіанина. Я волнуюсь, сравнивая тишину нашей часовни, гдѣ вижу васъ всѣхъ, возносящихъ къ небу горячія мольбы, съ окружающей меня тревогой и занимающими насъ мыслями.

Съ чувствомъ глубокой горечи я думаю о наступленіи праздника. провести который въ нѣдрахъ родной семьи—высшее счастье для сына.

Почта запоздала изъ за политическихъ осложненій и пока я могу доложить вамъ только о полученіи мною писемъ, дошедшихъ въ по-

ловинѣ Февраля. Я счастливъ, узнавъ, что вся наша семья находится въ добромъ здоровьи, не перестаю желать ей полного спокойствія, и ничто не доставляетъ мнѣ большаго удовольствія, какъ возможность успокоить васъ на счетъ себя, сказавъ, что чувствую себя великолѣпно.

Завтра день вашего рожденія, любезный батюшка, но увы! поздравляя васъ отъ всей души, я не могу не сознаться, что воспоминаніе объ этомъ днѣ усиливаетъ овладѣвшее мной горе, потому что, на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть тягостнѣе душевнаго состоянія, къ которому можно примѣнить стихъ:

Средь милліоновъ душъ себя увидѣть сира.

Наша дипломатическая канцелярія увеличилась, такъ какъ пріѣхалъ Дашковъ, вернувшійся изъ поѣздки по Архипелагу. О немъ говорятъ много хорошаго, и, повидимому, онъ оправдываетъ сложившееся о немъ доброе мнѣніе.

Вотъ чѣмъ я закончу сегодняшній отчетъ, любезный батюшка. Вы получите это письмо позднѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ оно пойдетъ моремъ, и слѣдовательно, все будетъ зависѣть отъ вѣтра—будетъ ли онъ попутный или противный. Цѣлую руки милой, дорогой магушкѣ и обнимаю всѣхъ. Надѣюсь, что милые не забыли меня, и низко кланяюсь княгинѣ Куракиной.

Прощайте, дорогой батюшка. Кончаю писать, цѣлуя ваши руки и вручая себя вашему родительскому благословенію, повторяю свою просьбу не придавать вѣры тому, что вамъ могутъ рассказывать о нашемъ пребываніи въ Константинополь, потому что, повторяю, мы находимся въ полной безопасности.

Остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Д м и т р і й.

Пера, 16/28 Апрѣля 1821 года.

Вотъ ужъ половина Апрѣля, любезный батюшка, а почты все нѣтъ.

Давно не имѣя отъ васъ извѣстій, я, такимъ образомъ, лишень самаго большаго, единственнаго удовольствія, которое осталось для насъ въ этой странѣ; и мнѣ, къ сожалѣнію, остается только извѣстить васъ о томъ положеніи, въ которое обстоятельства насъ поставили.

Ружейные выстрѣлы смолкли, несносные турецкіе солдаты уже не нападаютъ на крестьянъ среди бѣла дня, и въ настоящее время величайшее спокойствіе смѣнило волненія и опасности, которымъ мы подвергались въ нѣдрахъ самой столицы. Такую неожиданную переменъ приписываютъ прибытію новаго Визиря, принявшаго самыя строгія мѣры, чтобы подчинить дисциплинѣ войско, которое заставляло серьезно опасаться за общественное спокойствіе. Жестокія наказанія и возмездія, отъ одного упоминанія о которыхъ содрогнутся христіане, были несчастными послѣдствіями необдуманыхъ плановъ. Счастливы тотъ, кто вдали отъ возстанія, ничего не знаетъ о нашихъ ужасахъ, какъ на примѣръ, о патріархѣ Константинопольскомъ, повѣшенномъ на своихъ воротахъ въ первый день Пасхи, священнаго для христіанъ дня, кто не былъ свидѣтелемъ мѣръ, принятыхъ жестокимъ и по существу своему хитрымъ Правительствомъ. Самъ великій Визирь, какъ говорятъ, курилъ трубку, сидя у трупа, а двѣ тысячи евреевъ позорно волокли эти святые останки по улицамъ, послѣ чего бросили ихъ въ Босфоръ.

Непріятныя новости, дорогой батюшка, и я предоставляю газетамъ подробно ознакомить васъ съ событіями, о которыхъ я упоминаю вкратцѣ и о которыхъ совсѣмъ умалчиваю въ письмѣ. Я не хочу заполнять его такими возмутительными вѣщами.

Я чувствую себя, славу Богу, прекрасно, и жду, не дожудусь времени, когда опять буду въ Буюкдэрэ, гдѣ жизнь идетъ правильно. Наши занятія идутъ своимъ чередомъ, и, привыкнувъ немного къ шуму Перы, я не жалуясь больше на скуку, которую приходится испытывать.

Въ послѣднемъ письмѣ я ничего не писалъ вамъ объ *Андрѣ*, котораго я взялся отправить въ Россію. Я снабдилъ его суммой денегъ, съ которой, я надѣюсь, онъ доѣдетъ до самаго Петербурга. Я не далъ ему писемъ къ вамъ, потому что я совершенно не зналъ, какимъ путемъ онъ поѣдетъ и сколько времени уйдетъ на поѣздку. А пока мой новый лакей прекрасно служитъ мнѣ.

Такъ какъ я крайне занятъ службой, дорогой батюшка, я принужденъ сократить переписку съ вами, и поэтому прошу васъ успокоить на мой счетъ брата Павла и всѣхъ родственниковъ. Но больше всего я думаю о васъ, дорогой батюшка.

Не могу выразить, до какой степени я желалъ бы знать, что вы спокойны. Повторяю, я боюсь, чтобы большое разстояніе не представило вамъ съ ложной точки зрѣнія событія, которыя, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не такъ ужасны. Стало быть, не сомнѣвайтесь въ достовѣрности моихъ писемъ и не тревожьтесь по поводу всякихъ ложныхъ слуховъ, потому что, увѣряю васъ, мы находимся въ полной безопасности.

Согласно высказанному вами въ одномъ изъ писемъ вашихъ желанію, я съ удовольствіемъ вышлю вамъ черезъ Одессу кофе и табакъ, съ условіемъ, что одинъ предназначается вамъ, а другое—милой, дорогой матушкѣ.

Кончаю письмо. цѣлую ваши руки. дорогой батюшка. Меня заставляютъ запечатать письмо раньше, чѣмъ я хотѣлъ бы, и помимо своего желанія, я прощаюсь съ вами. Цѣлую всѣхъ и остаюсь вашъ всегда покорный сынъ

Дмитрій.

18 сего мая 1821 года, Пера.

Къ моему искреннему сожалѣнію, я принужденъ написать вамъ такъ мало, любезный батюшка. Кромѣ того, что я могъ бы сообщить вамъ мало пріятнаго, главная цѣль настоящаго письма состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить васъ въ прекрасномъ состояніи моего здоровья. хотя я нахожусь въ печальномъ положеніи. Почта приходитъ очень медленно и неисправно, потому что идетъ въ Турцію моремъ. и вотъ уже второй мѣсяцъ на исходѣ, какъ я не получаю отъ васъ извѣстій. Какъ то разъ почта принесла мнѣ нѣсколько вашихъ писемъ сразу, и въ двухъ послѣднихъ, отъ 17 Марта и 4 Апрѣля. я съ искреннимъ огорченіемъ прочелъ недѣльные слухи, распускаемые о насъ, тогда какъ никогда еще въ столицѣ не было большаго спокойствія чѣмъ теперь. Наказанія прекратились. и ужасная смерть патріарха, о которой я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ. была послѣднимъ ударомъ Правительства, угождающаго народу кровью убитыхъ имъ жертвъ. Съ каждымъ днемъ жизнь въ Перѣ становится скучнѣе, и нѣтъ ничего печальнѣе. какъ проводить весну въ такомъ безотрадномъ мѣстѣ. Мечты о скоромъ возвращеніи въ нашу деревню поддерживаютъ полуугасшія надежды. и я благодарю Бога за то, что онъ надѣлилъ меня воображеніемъ, способнымъ унести меня далеко отъ того мѣста, гдѣ я нахожусь въ настоящую минуту.

Съ огромнымъ удовольствіемъ, дорогой и милый батюшка, узналъ я о вашемъ рѣшеніи отправить Михаила въ Петербургъ, и я вдвойнѣ

радуюсь тому, что онъ отказался отъ военнаго поприща и выбралъ путь, хотя не такой блестящій, за то несравненно болѣе полезный. Я еще не успѣлъ написать ему, но я не премину снабдить его письмомъ къ милой тетѣ, которая, я увѣренъ, сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы помочь ему пробиться на дипломатическомъ поприщѣ. что иногда, увы, бываетъ нелегко. Дай Богъ, чтобы хорошее, честное поведеніе вашихъ дѣтей вознаградило васъ за то одиночество, въ которомъ они оставили васъ! Но развѣ это не въ порядкѣ вещей? Желаніе сдѣлать что нибудь въ жизни сильнѣе обязанностей, налагаемыхъ самой природой, и лишь начиная съ того момента, какъ мы приобретаемъ права не слушать совѣтовъ постороннихъ, наши поступки соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ, основаннымъ не на юношескихъ мечтахъ, а на размышленіяхъ зрѣлаго возраста.

Я увѣренъ, любезный батюшка, что вы въ каждомъ письмѣ пишете обо мнѣ братьямъ, и надѣюсь, что Поль очень доволенъ своей ролью старшаго въ семьѣ. Это отвлечетъ его отъ мрачныхъ мыслей и смягчитъ суровую жизнь, которую ему приходится вести.

Я самъ чувствую себя прекрасно, утро провожу за работой, а вечерами хожу въ гости, не по расположенію, но скорѣе по обязанности. Тѣмъ не менѣе есть одинъ домъ, къ которому меня привязываетъ маленькая сердечная склонность къ хорошенькому личику, которая, хотя и заставляеть меня забывать объ утренней усталости, но не настолько, чтобы забыть о доводахъ разсудка, болѣе холоднаго, чѣмъ когда либо.

Позвольте мнѣ повергнуть мое почтеніе къ ногамъ княгини Куракиной. Мнѣ тяжело сознаніе, что она удостаиваетъ меня чести читать мои письма, такъ какъ они нарушаютъ покой сельца Чуприна повѣствованіемъ о турецкихъ жестокостяхъ и кровавой мести, которыми полна Оттоманская имперія.

Вотъ въ общихъ чертахъ все, что я могу разсказать вамъ, дорогой батюшка. Подробности я откладываю до той минуты, когда снова буду въ родной семьѣ, если я начну ихъ описывать, *мое письмо будетъ слишкомъ любопытнымъ*, а я не хочу этого въ ущербъ будущему.

Цѣлую руки вамъ, а также и матушкѣ. Цѣлую всю нашу семью и вручаю себя ея святому благословенію, единственной отрадѣ изгнанника.

16 іюня н. с. 1821 года.

Судя по послѣднему вашему письму изъ Москвы, дорогой батюшка, я надѣюсь, что это мое посланіе застанетъ васъ въ Александровѣ. Отправляю его прямо туда, и такъ какъ такой необыкновенный случай могъ лишить васъ вѣстей отъ меня, спѣшу сказать вамъ, что, слава Богу, я чувствую себя прекрасно, и что только видъ непрекращающихся жестокостей лишаетъ насъ возможности наслаждаться жизнью.

Народъ раздраженъ до послѣдней степени. Первый посланникъ и послѣдній канцелярскій писецъ вооружены съ головы до ногъ. Наша деревня, куда мы опять переселились, и весь берегъ Босфора носятъ на себѣ слѣды полнаго разрушенія. Въ домахъ никто не живетъ, это дѣло рукъ злодѣевъ, которые одинаково разятъ и правого, и виноватаго.

Но насъ уважають, и до сихъ поръ намъ не приходилось опасаться за себя. Правда, мы ведемъ себя осторожно, и не выходимъ дальше сада и набережной.

Даже Константинополь въ ужасномъ состояніи: грабятъ, насилюють, убиваютъ, ничто не запрещается разнузданному населенію. Сколько разъ, дорогой батюшка, я со вздохомъ вспоминалъ родину, и сколько я пролилъ слезъ, будучи свидѣтелемъ времени, когда даже Провидѣніе, повидимому, утратило свои права.

Мнѣ очень тяжело питать мысль, что мое письмо будетъ для васъ источникомъ безпокойства, но я счастливъ, имѣя возможность удостовѣрять, что общая преступность не касается личной нашей безопасности.

Она ничуть не колеблется, и я умоляю васъ дорогой батюшка, гоните мрачныя мысли объ опасности, а главное, не вѣрьте ложнымъ предположеніямъ, распускаемымъ на нашъ счетъ, и разнымъ слухамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ истиной. Все, какъ и раньше, идетъ своимъ чередомъ, мы занимаемся, читаемъ, въ свое время отдыхаемъ, и если мы не чувствуемъ себя ни счастливыми, ни спокойными, то только благодаря обстоятельствамъ, которыя зависятъ отъ Бога.

Я получилъ письмо отъ брата Мишеля, который извѣщаетъ меня о вступленіи на дипломатическое поприще и о своихъ первыхъ успѣ-

хахъ.—Въ настоящее время наши посланники уже находятся въ Петербургѣ и съ сегодняшнимъ курьеромъ я отправляю брату Мишелю два рекомендательныхъ письма къ очень вліятельнымъ лицамъ въ Канцеляріи Совѣта Министровъ, я получилъ ихъ отъ Бутенева.

Нашъ старшина направился въ Бессарабію, но, къ несчастью, сношенія съ этой областью затруднительнѣе, чѣмъ съ Китаемъ, и я не надѣюсь, что скоро получу извѣстія о немъ.

Баронъ по прежнему расположенъ ко мнѣ. Испанскій посоль де-Зеа только что вернулся изъ Петербурга, гдѣ онъ одинъ несъ на себѣ всѣ обязанности, и своимъ присутствіемъ увеличилъ наше общество, состоявшее раньше только изъ насъ самихъ. Мы были бы одни на всемъ свѣтѣ, если бы шумъ проходящихъ мимо войскъ и судовъ, непрерывно бороздящихъ Босфоръ, не напоминалъ намъ о томъ, что есть другіе люди, свидѣтели прискорбныхъ событій, совершающихся на нашихъ глазахъ. Многія изъ нашихъ дамъ отправляются моремъ въ Одессу и мое письмо пойдетъ на корабль, поддерживающимъ сношенія съ Дворомъ.

Конечно, дорогой батюшка, вы изложите княгинѣ Куракиной мои чувства глубокой признательности за ея драгоцѣнную память обо мнѣ и испытываемое мною счастье, видя поддержку въ разлукѣ съ вашими дѣтьми, доставляемую вамъ присутствіемъ Княгини.

Я хотѣлъ бы посадить въ ея цвѣтникѣ всѣ цвѣты Турціи, но, къ несчастію, приходится сѣять одни шипы, такъ какъ я шлю одни печальныя извѣстія.

Цѣлую руки милой, хорошей матушкѣ и умоляю васъ, дорогой батюшка, присылайте почаще вѣсти о себѣ: только онѣ дѣлаютъ сноснымъ наше существованіе.

Вручаю себя вашему святому благословенію и надѣюсь, что оно лучше всего охранить преданнаго вамъ сына

Дмитрія.

1-го іюля 1821 г. Буюкдэрэ, близъ Константинополя.

Сегодня годовщина моего пріѣзда въ Турцію, любезный батюшка.

Этотъ день я посвящаю исключительно вамъ и воспоминаніямъ прошлаго.

Увы! Какъ все измѣнилось! Съ какой горечью я сравниваю настоящее время съ той минутой, когда я впервые увидѣлъ эти мѣста. То же небо, тѣ же берега, но человѣческая жестокость лишила ихъ былого очарованія, былого значенія, которыя не такъ легко вернуть:

*Ces bords fortunées de l'antique Italie,
Lieux où finit l'Europe et commence l'Asie.*

Напрасно человѣкъ живетъ будущимъ. Мнѣ кажется, гораздо благоразумнѣе наслаждаться настоящимъ, не полагаясь слишкомъ на будущее. Время идетъ быстро, и иногда одинъ день совершенно мѣняетъ ходъ событий.

Ничто не можетъ сравниться съ отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ очутились несчастные жители Константинополя. Каждое утро приноситъ новыя казни, новыя изгнанія. Босфоръ напоминаетъ о безконечныхъ ужасахъ и возбужденіи разнузданныхъ солдатъ. и этотъ чудный проливъ, когда то покрытый множествомъ судовъ, полныхъ мирными людьми, теперь кишитъ разбойниками и ихъ жертвами, смертные останки которыхъ носятся по волнамъ. Мы были сами свидѣтелями того, и одному Богу извѣстно, насколько глубоко горе въ чуткихъ душахъ невольныхъ свидѣтелей этого зрѣлища. Немыслимо обременять рассказъ подробнымъ описаніемъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись въ Буюкдѣрэ, здѣсь царитъ величайшее спокойствіе. Дома пусты, набережная кишитъ вооруженными людьми, но благодаря желѣзной дисциплинѣ Ибрагима Паши, который стоитъ въ нашей деревнѣ, ничто не угрожаетъ общественному спокойствію. Другое дѣло въ Перѣ, гдѣ всѣ неспокойны, волнуются, гдѣ все страшно, всего боятся.

Любопытство довело меня до турецкаго лагеря. Я былъ тамъ вмѣстѣ съ испанскимъ посольствомъ. Стоянка расположена на лугу, бывшемъ когда то излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ верхомъ. Войско состоитъ изъ 3-хъ тысячъ человѣкъ. Мы проникли туда безъ малѣйшихъ затрудненій, и застали Пашу въ палаткѣ, наблюдающаго за фокусами какихъ-то жалкихъ евреевъ, въ то время, какъ солдаты копошились около труповъ двухъ несчастныхъ грековъ, которымъ только что отрубили головы. Отвращеніе еще преслѣдуетъ меня послѣ этого зрѣлища! Я не знаю точно, за что ихъ казнили, но думаю, что это было сдѣлано въ угоду фанатизму или чтобы доставить удовольствіе солдатамъ. Шатеръ богато украшенъ, посрединѣ сидитъ Паша; передъ шатромъ красуются на пикѣ его три почетныхъ хвоста, знамена

Магомета развѣваются у входа, тамъ и сямъ—гуляютъ на свободѣ лошади, военный шумъ и особенно странные наряды привлекали мое вниманіе и поражали меня, какъ совершенно новое зрѣлище. А между тѣмъ, въ полѣ царило величайшее спокойствіе. Ни брани, ни поводовъ къ бунту.

Я кончу это письмо, дорогой батюшка, выраженіемъ благодарности за два письма, которые вы имѣли любезность отправить мнѣ изъ Москвы, одно 17 Мая, другое 6-го Іюня.

Я получилъ ихъ оба сразу, потому что наши сношенія съ Одессой моремъ менѣе исправны, чѣмъ сухопутныя, которыми мы иногда пользуемся. Будучи увѣренъ въ томъ, что вы находитесь въ деревнѣ и ужъ давно пользуетесь счастьемъ быть вблизи княгини Куракиной и любезной, милой Шульгиной, къ сожалѣнію, я долженъ нарушить вашъ покой разказами о тѣхъ ужасахъ, очевидцами которыхъ намъ довелось быть. Вы вполнѣ правы, не вѣря всеѣмъ распространяемымъ на нашъ счетъ розказнямъ. а особенно извѣстію о томъ, что мы уѣхали изъ Константинополя. Вѣроятно отъѣздъ нашихъ дамъ *) далъ поводъ этой сплетнѣ.

3-го Іюля 1821 г., Буюкдэрэ, близъ Константинополя.

Я узналъ о назначеніи брата Поля въ Бессарабію, въ качествѣ члена комитета Иностранныхъ Колоній, изъ письма Мишеля, посланнаго мнѣ изъ Петербурга 14-го мая. Самъ Поль ничего не пишетъ, и напрасно онъ откладываетъ это до пріѣзда на мѣсто, въ Бессарабію. потому что въ силу теперешнихъ обстоятельствъ Бессарабія отъ насъ дальше, чѣмъ какая либо другая губернія Европейской Россіи. А такъ какъ комитетъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, находится теперь въ вѣдѣніи графа Каподистрія, то мы, все три брата, на одномъ и томъ же тернистомъ пути.

Меня не удивляетъ, что Поль предпочелъ Кишиневъ Петербургу. Онъ тяготился столичнымъ обществомъ, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ не будетъ стѣсняться, и независимость, къ которой онъ давно стремился, дастъ ему возможность вращаться въ средѣ, которую онъ найдетъ болѣе подходящей.

*) Въ числѣ ихъ госпожа Дашкова, жена Андрея Яковлевича.

Я съ удовольствіемъ узналъ объ успѣхахъ Мишеля при его вступленіи на дипломатическое поприще.

Дай Богъ, чтобы страсть къ военной службѣ не вспыхнула въ немъ снова. Тѣмъ не менѣе жаль, что онъ одинъ въ Петербургѣ, потому что, кромѣ удобства, которыми онъ пользовался, живя дома, его вкусы и образъ жизни будутъ зависѣть оттого, попадетъ ли онъ въ большой или, упаси Боже, малый свѣтъ, и это беспокоитъ меня. Конечно, нужда является и источникомъ испорченности, и школой, закаляющей характеръ юноши.

Я расквитался, дорогой батюшка, вашими поздравленіями съ батрономъ. Онъ принялъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, а достоинство, въ которое онъ возведенъ недавно, такъ же почетно, какъ онъ того заслуживаетъ. Онъ не перестаетъ высказывать мнѣ знаки своего расположенія, и я могу только радоваться его отношеніямъ ко мнѣ, какъ къ племяннику и подчиненному. Онъ рѣзокъ, вспыльчивъ, у меня бывали даже недоразумѣнія съ нимъ, но его доброта, можно сказать родительская, всегда выручала меня, какъ благодатный дождь послѣ сильной грозы. Тысячи прекрасныхъ качествъ лежатъ въ основѣ его характера, и онъ не забывается на верху почестей, а у кого изъ насъ нѣтъ слабостей?

У насъ слишкомъ сгущенная атмосфера для того, чтобы свѣтлый солнечный лучъ, о которомъ вы пишете, могъ упасть на насъ, а вымышленное извѣстіе о возведеніи моемъ въ санъ камергера, обрадуетъ меня только тогда, когда наступятъ болѣе спокойныя времена. Политическія событія въ Турціи страшны, какъ бушующая надъ головой гроза, и ея молніи такъ же разятъ невиннаго, какъ градъ бьетъ у насъ стекла и портитъ мебель, которая, въ сущности, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Окружающія насъ одиночество и скука нарушены пріѣздомъ Зэа Бермудеца, испанскаго посланника въ Константинополь, который всѣ вечера проводитъ у насъ, и, повидимому, достойный человекъ. Мы до такой степени стѣснены въ нашихъ удовольствіяхъ, что мнѣ придется отказаться отъ верховой ѣзды, потому что нѣтъ возможности прогуливаться въ ту и другую сторону дальше набережной. Изъ боязни быть раненымъ и даже убитымъ безъ всякаго толку, а такъ какъ я не собираюсь вступать въ переговоры съ богомъ Тартара, я продамъ свою лошадь и буду спокойно сидѣть въ своей комнатѣ.

Дай Богъ вамъ спокойной и счастливой жизни, дорогой батюшка!

Да пошлетъ онъ вамъ милость Свою, какъ до сихъ поръ Онъ хранитъ меня въ моемъ опасномъ положеніи, потому что я вполне здоровъ и чувствую себя прекрасно. Прошу васъ передать мой низкій поклонъ княгинѣ Куракиной и семьѣ Шульгина, особенно же его милой супругѣ и сестрѣ, увѣренія въ моей преданности и ненарушимомъ постоянномъ расположеніи.

Затѣмъ цѣлую вамъ руки, а также и матушкѣ. и прошу ее посмотреть это письмо, потому что оно написано къ ней, такъ же какъ къ вамъ. Вручаю себя святому родительскому благословенію и навсегда остаюсь, дражайшій батюшка, преданнымъ и почтительнымъ сыномъ

Дмитріемъ.

7-ю Юля.

Дядя Строгановъ каждый разъ поручаетъ мнѣ передать вамъ его привѣтъ, и если вамъ не будетъ трудно, дорогой батюшка, напишите ему маленькую записочку въ знакъ того, что вы рады видѣть меня подъ его особымъ покровительствомъ. Я ручаюсь, что его очень обрадуетъ ваше вниманіе.

Любезный батюшка, я поставленъ въ печальную необходимость въ двухъ словахъ успокоить васъ за нашу участь, которая въ Константинополь со дня на день все болѣе зависѣла отъ случайностей, и сообщить вамъ о нашемъ прибытіи въ Одессу.

29-го мы выѣхали изъ Буюкдэрэ, а 1-го мы уже стояли на якорѣ въ Одессѣ, такъ что нашъ переѣздъ совершился очень удачно. Съ первой же почтой вы непременно узнаете все, касающееся насъ, но пока у меня такъ мало времени, что я только скажу вамъ, что мы чувствуемъ себя отлично, а сейчасъ находимся въ карантинѣ, куда всѣ ходятъ смотрѣть на насъ. какъ на рѣдкихъ животныхъ, запертыхъ въ звѣринцѣ.

Прощайте, дорогой батюшка. Я невыразимо счастливъ, что вернулся на родину.

Цѣлую вамъ руки и остаюсь вашъ всегда преданный и покорный сынъ

Дмитрій.

1821 года.

Карантинъ въ Одессѣ, 3 Августа.

Тысячу разъ благодарю васъ, любезный батюшка, за письмо отъ 9-го Генваря присланное мнѣ и Мишелю вмѣстѣ. Оно застало насъ въ добромъ здоровьи, и я очень огорченъ тѣмъ, что наши оправданія долгаго молчанія оказались недостаточными, а между тѣмъ я увѣренъ, что если бы у насъ было побольше времени, вы никогда не чувствовали бы недостатка въ извѣстіяхъ отъ насъ.

Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ я ожидаю вѣстей о скорой женитьбѣ Алексѣя Нарышкина. Мы не можемъ сообщить вамъ ничего новаго, всѣ наши знакомые здоровы, и еще ничего не извѣстно о нашемъ будущемъ назначеніи.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы спрашивали меня, дорогой батюшка, получили ли мы какое нибудь денежное вознагражденіе. Конечно, мы ужъ получили, кромѣ крестовъ, по 200 дукатовъ на человѣка на путевые расходы по переѣзду изъ Константинополя въ Петербургъ.

Мнѣ очень досадно, что матушка такъ чинится со мной, потому что я и не ожидаю отвѣта, будучи заранѣе увѣренъ, что слова, подсказанныя ея добротой, будутъ настолько же лестны, насколько пріятны мнѣ.

Сегодня большой балъ у супруги князя Владиміра Голицына и я буду танцевать со всѣми барышнями, какія мнѣ пригласятся.

Вотъ все, что я могу сказать вамъ, дорогой батюшка.

Цѣлую всю нашу семью, а вамъ и дорогой милой матушкѣ цѣлую руки.

Вамъ преданный и покорный сынъ

Дмитрій.

17 генваря

1822 года.

На память отъ Дмитрія любимому брату и другу Пьеру.

Поэтический Римъ.

(Отрывокъ письма)

Nè greggi nè armenti
Guida bifoglio mai, guida pastore.

Вамъ конечно приходилось видѣть молодую, но грустную, покинутую женщину, грезящую о быломъ, далекомъ счастья. Такъ вотъ—такова римская равнина.

Жгучее солнце льетъ потоки свѣта на сухую землю съ вулканической почвой, безъ пастбищъ, безъ жнитва, но богатую всевозможными развалинами и памятниками старины: обиліе воспоминаній угнетаетъ насъ, какъ сладкій, но въ то же время тяжелый сонъ, а душа остается спокойной, какъ небо, отражающееся на прозрачной поверхности: ясность воздуха оживляетъ предметы, вы видите ихъ вдвое отчетливѣе.

Отроги горъ, составлявшихъ когда-то страны Сабинянъ, Вольсковъ, Стерниковъ (сколько племенъ сошло съ лица земли!), тянутся съ сѣвера на юго-востокъ и полукругомъ охватываютъ равнину Лациума. Въ горахъ—истоки Тибра; онъ течетъ между Сорастомъ и священной рощей Тибурція и медленно теряется въ бесплодной Остіи, гдѣ впадаетъ въ море. Я представлялъ себѣ его виды широкими, ясными, величественными; а глазъ замѣчалъ лишь необработанные, дикіе берега, только быстрыя, желтоватыя волны: такими бываютъ ранней весной грязные потоки тающихъ снѣговъ.

Часто, въ прекрасный майскій вечеръ, когда природа только что просыпается отъ глубокаго сна, я отправлялся на вершину Риччіи и садился тамъ на широкую скамью около церкви. Облака, долго оставшіяся неподвижными, вдругъ догоняли заходящее солнце. сумерки мало по малу ложились на сосѣднія долины, легкой вѣтерокъ колыхалъ обожженную солнцемъ траву, казалось поля снимали съ себя утомительный нарядъ. На громадномъ пространствѣ не было замѣтно никакого движенія; можно было услышать шелестъ травки, проглядывающей изъ трещинъ древней стѣны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ лежала печать какого то безпокойства.

Казалось, ангелъ міра долженъ былъ спуститься съ небесъ. Въ такія минуты мнѣ нравилось сравнивать это царственное молчаніе природы съ воинственными кликами столькихъ народовъ, которые когда то съ этихъ самыхъ высотъ грозно обрушивались на Римъ. А что случилось теперь съ Римомъ? Гдѣ они, эти ревнивые полчища? Владыки міра оставили намъ лишь величественные обломки, наводящіе на размышленія о духѣ народовъ и вѣковъ. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ осколокъ какого нибудь храма отрывался и скатывался внизъ; вслѣдъ за нимъ поднималось облачко пыли, и я говорилъ: *вотъ она, слава!*

Но, увы! Почему прекрасное зрѣлище доступно только душѣ, полной призраковъ счастливаго дѣтства, между тѣмъ какъ для чело-вѣка, серьезно относящагося къ жизни, подобное созерцаніе является неизсякаемымъ источникомъ сожалѣній или же онъ остается совершенно равнодушнымъ? Жизнь для него—всегда разъяренное море, гибнущій корабль. Развѣ это не доказательство того, что истинное счастье основано на спокойныхъ чувствахъ и на согласіи съ людьми, обстоятельствами и природой?

Въ Римѣ самыя лучшія зданія находятся внутри самого города.

Древнее и новое находится въ неразрывной связи. Здѣсь храмъ Агриппы, а тамъ—Святого Петра; могила Адриана и развалины Стеліополиса, чудеснымъ образомъ перенесенныя черезъ моря,—рядомъ съ базиликой Константина.

Остановимся на минуту передъ Пантеономъ. Это прекраснѣйшій изъ остатковъ древняго Рима; это изображеніе могущества и генія древнихъ. Взгляните на строгій и мрачный стиль, на этотъ перистиль, этотъ какъ бы застывшій образецъ соразмѣрности—на эти колонны, поддерживающія безсмертную надпись. Здѣсь одинаково обожествляли людей и милостивыхъ боговъ. Пантеонъ вовсе не искусственное соединеніе: это *одно цѣлое*, одна воплощенная мысль. Не восторженность составляетъ его величіе; вамъ не нужно справляться съ исторіей, можно не знать о его происхожденіи, о его древности: сразу видно, что это зданіе принадлежитъ не нашимъ вѣкамъ.

Пантеонъ похожъ на бурную ночь. Грустное противорѣчіе между брениостью чело-вѣка и прочностью его твореній!

Внутри Пантеонъ представляетъ изъ себя обширный правильный кругъ. Свѣтъ падаетъ изъ широкаго отверстія вверху свода, который Микель Анджело оторвалъ отъ земли и прикрѣпилъ на облакахъ. Вандализмъ лишилъ его самыхъ лучшихъ, великолѣпныхъ украшеній. Теперь ужъ нѣтъ ни скульптуры Діогена Афинскаго, ни каріатидъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній. Могила, смерть— вотъ мысли, овладѣвающія вами при входѣ въ этотъ храмъ. Можно подумать, что въ этихъ стѣнахъ произошла грозная революція; что здѣсь погибъ цѣлый стройный міръ. Богъ, умирающій на крестѣ, замѣнилъ башню Цитеры. Какой переворотъ!

Ach, da euer Warnedienst noch glänzte,
Wie ganz anders, anders war es da!
Da man deine Tempel noch bekränzte.
Venus Amatusia!

Но вотъ памятникъ. воздвигнутый во славу и паденіе Папскаго престола.

Ослѣпительный солнечный свѣтъ и шумъ фонтановъ такъ ошеломили меня, что войдя въ храмъ Св. Петра я, былъ сразу охваченъ такимъ покоемъ, что я въ одну минуту почувствовалъ себя гармоничнымъ. Мой взоръ блуждалъ среди безконечныхъ церковныхъ кораблей, мой слухъ, какъ въ тяжеломъ снѣ, былъ очарованъ звуками органа; малѣйшій шумъ на лѣсахъ, возведенныхъ для исправленія богатой позодоты свода, раздавался въ его огромныхъ пространствахъ, а расprostертые передъ святыми мощами люди и священнослужители, проходившіе по храму отъ главнаго алтаря, были едва замѣтны. Душевные явленія такъ же непонятны, какъ метафизическая сущность самой души. Чѣмъ больше нашъ восторгъ, тѣмъ онъ спокойнѣе. Обѣ стороны главнаго корабля переходятъ въ арки, соединяющія поперечные корабли, украшенные памятниками и мраморными статуями. Здѣсь все величественно, благородно, прекрасно! Этотъ храмъ— дань народовъ божеству; вдыхаемый тамъ воздухъ то же для души, что весна для цвѣтовъ. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ, восхищеніе растетъ; оно достигаетъ высшаго развитія, когда вы находитесь подъ куполомъ Микеля Анджело и только тогда взоръ можетъ блуждать по громадамъ, ничѣмъ не стѣсненнымъ. Вершина свода теряется въ блескѣ дня или въ туманѣ; въ мраморной паперти есть отдушины, черезъ которыя проходитъ свѣтъ въ склепъ древней церкви, построенной Константиномъ на мѣстѣ погребенія нѣсколькихъ первосвященниковъ. Такъ одинъ взглядъ соединяетъ жизнь и смерть, свѣтъ и тьму.

Между тѣмъ ничто такъ не дѣйствуетъ на воображеніе, какъ общій видъ Лаціума. Римскія поля засажены пальмами, дубами, ивами, но большая часть почвы не воздѣлана. Только огороды и виноградники указываютъ на присутствіе человѣка, а внутри ихъ прячутся храмы, и ихъ своды покоятся на безформенныхъ грудахъ: въ наши дни это мѣсто можетъ служить только предметомъ идилліи, мѣсто, когда то бывшее храмомъ безсмертныхъ и жилищемъ оракуловъ. Изъ всѣхъ большихъ дорогъ, существовавшихъ со временъ Императоровъ, сохранились только двѣ: Фламиніева, по которой вы пріѣзжаете въ Римъ: и знаменитая Аппіева дорога, которая пестритъ могилами, разрушающимися въ безмолвіи пустыни, наполненной прелестнымъ запахомъ мелкихъ травъ.

Другъ забвенія, плющъ не разстается съ этими обломками и напоминаетъ о жизни взорамъ, помраченнымъ при видѣ безотраднago зрѣлища. Каждая вещь, до которой вы дотронетесь тамъ—драгоценный камень, оторванный отъ короны воспоминаній.

Этотъ общій видъ даетъ какую то общую согласованность *между сердечными тревогами* и мрачными красками *ф. Сиклера* на планѣ римской равнины—картиной, изображающей новую метрополию (эпархіяльный городъ).

Сколько разъ я любовался Колизеемъ въ тѣ минуты, когда умъ человѣка занимаетъ одна философія, когда душа отдѣляется отъ нашей планеты и полна только собою. Последніе лучи солнца еще задѣвали Палатинскій холмъ; глухой, смѣшанный шумъ со всѣхъ сторонъ долеталъ до меня; мало по малу покровъ ночи спускался на Римскій Форумъ, Триумфальныя арки, Священную дорогу и грозящихъ рогами быковъ, отдыхающихъ у подножія храма Юпитера. Скоро въ полной темнотѣ, какъ яркая звѣзда, показывалась лампада отшельника, и при видѣ этого мое воображеніе все больше отрѣшалось отъ обыденной жизни, мнѣ казалось, что я слышу ревъ тигровъ и львовъ, рукоплесканія народа, опьяненнаго преступной радостью, и мнѣ мерещился Тиверій, неподвижно, какъ черная точка, сидящій въ своей ложѣ.

Тотъ, кто никогда не блуждалъ по высотамъ озера Альбано, кто никогда не видѣлъ неподвижной бездны его водъ, его береговъ, одѣтыхъ въ молодую, свѣжую зелень, легкихъ лодокъ, мѣстами бороздящихъ поверхность ужасныхъ пучинъ,—тотъ не знаетъ природы въ ея тиши.

На склонахъ горъ построены огромные дворцы, но никто не стучится въ ихъ двери. Только *настоятель* съ лихорадочно-блѣднымъ лицомъ откликнется на вашу зовъ; сорная трава поднимется до колѣнъ, фонтаны съ обломанными краями издають неопредѣленные, грустные звуки, грязные, запыхавшіеся ребяташки смотрять на васъ съ недоумѣніемъ: дайте же имъ что нибудь, потому что они умирають съ голода.

Бѣдная могила, которую путешественникъ отыскалъ среди густой рощи, не производитъ такого грустнаго впечатлѣнія, какъ молчаніе, смѣнившее блестящій пиръ, какъ трава, растущая на террасѣ, гдѣ рѣзвилась молодежь.

Поѣзжайте, поѣзжайте черезъ Альпы, достойный другъ; ступите на почву Авзоніи, пройдитесь по ея обширнымъ садамъ, разбросаннымъ безъ порядка и толка, гдѣ каждое дерево—картина, гдѣ каждое дуновеніе вѣтра—наслажденіе; придите, чтобы на мѣстѣ провѣрить точность вашей памяти: вы сразу узнаете берега, съ которыхъ бросился въ рѣку безстрашный Шелли; мостъ, который такъ чудесно обезсмертилъ въ своемъ произведеніи Коклэсъ—теперь отъ него остались однѣ развалины....

Римъ, Октябрь 1824 года.

Кн. Д. Долгорукой.

